

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1	7
Глава 2	30
Глава 3	49
Глава 4	82
Глава 5	111
Глава 6	136
Глава 7	159
Глава 8	180
Глава 9	193
Глава 10.....	220
Глава 11.....	236
Глава 12	250
Глава 13.....	274
Глава 14.....	300
Глава 15.....	316
Глава 16.....	344
Глава 17.....	360
Глава 18.....	374
Глава 19.....	395
Глава 20	413
Глава 21.....	438
Глава 22	462
Глава 23	482
Глава 24	503

Глава 25	524
Глава 26	536
Глава 27	545
Глава 28	561
Глава 29	570
Глава 30	582
Глава 31.....	593
Глава 32.....	604
Глава 33.....	621
Глава 34	632
Глава 35.....	645
Глава 36	663
Глава 37	672
Глава 38	688
Глава 39	695
Глава 40	715
Глава 41.....	740
Глава 42.....	756
Глава 43.....	768
Глава 44	788
Глава 45.....	806
Глава 46	822
Глава 47.....	834
Глава 48	855
Глава 49	876
Глава 50	883
Глава 51.....	890
Глава 52.....	903
Глава 53.....	910

162340 Друд
928 полос
40 а.л.

— *Как Уилки дар сгубил свой ненароком?*
— *Да возомнил себя чуть не пророком.*
А. Ч. Суинберн
«Двухнедельное обозрение», ноябрь 1889

ГЛАВА 1

Меня зовут Уилки Коллинз, и я почти уверен — поскольку собираюсь воспретить публикацию данного документа самое малое на век с четвертью, считая со дня моей кончины, — что это имя ничего вам не говорит. Иные полагают меня большим любителем пари, и совершенно справедливо, а потому, дорогой читатель, я готов побиться с вами об заклад, что вы не читали моих романов и пьес, да и не слышали о них. Может статься, вы, британцы или американцы, живущие через сто двадцать пять лет после меня, вообще не говорите по-английски. Возможно, вы одеваетесь как готтентоты, живете в пещерах с газовым освещением, путешествуете на воздушных шарах и свободно общаетесь посредством мысли, не ограниченные никаким устным или письменным языком.

Но даже в таком случае я готов поставить все нынешнее свое состояние и все будущие авторские гонорары со своих пьес и романов на то, что вы *помните* имя, а равно книги, пьесы и персонажи некоего Чарльза Диккенса, моего друга и бывшего соавтора.

Итак, я поведаю правдивую историю о своем друге (или, по крайней мере, о человеке, в прошлом таковым являвшемся) Чарльзе Диккенсе и о железнодорожной катастрофе в Стейплхерсте, лишившей его душевного покоя, здоровья и даже, как шепотом предположат иные, рассудка. Нижеизложенная достоверная история повествует о последних пяти годах жизни Чарльза Диккенса и о его неуклонно возрастающей одержимости неким субъектом (коли здесь применимо такое определение) по имени Друд, а также убийством, смертью, трупами, склепами, месмеризмом, опиумом, призраками и грязными улочками черно-желчной лондонской клоаки, которую этот писатель всегда называл «мой Вавилон» или «гигантское пекло». В данной рукописи (ее, повторюсь, я решил — не только по причинам юридического свойства, но также из соображений чести — сокрыть от посторонних глаз на сто с лишним лет со времени нашей с ним кончины) я отвечу на вопрос, едва ли приходивший на ум еще кому-либо в наши дни: «Неужели знаменитый Чарльз Диккенс, почтенный господин, приятный во всех отношениях, замышлял убить невинного человека, сжечь тело в негашеной извести и тайно схоронить останки — скелетные кости да череп — в склепе под старинным собором, столь памятным Диккенсу по детским годам? И действительно ли он планировал затем выбросить очки, кольца, галстучные булавки, запонки и карманные часы бедной жертвы в Темзу? И если так или если Диккенс хотя бы *в помыслах* проделывал все описанное выше, то какую роль сыграл вполне реальный фантом по имени Друд в развитии подобного безумия?»

Упомянутая катастрофа произошла 9 июня 1865 года. Локомотив, везший благополучие, душевный покой, рассудок, рукопись и любовницу Диккенса, приближался — в буквальном смысле слова — к бреши в железнодорожном полотне и ужасному крушению.

Я не знаю, дорогой читатель отдаленного будущего, храните ли вы по-прежнему письменные или устные историче-

ские свидетельства (возможно, вы давно отвергли за ненадобностью Геродота с Фукидидом и постоянно живете в нулевом году), но если в ваше время еще остались хоть какие-то представления об истории, вы должны знать о важных событиях, имевших место в году, который мы называем тысяча восемьсот шестьдесят пятым от Рождества Христова. Такое событие, как окончание братоубийственной войны в Соединенных Штатах, многие англичане признавали весьма знаменательным, хотя Чарльз Диккенс не относился к их числу. Несмотря на свой огромный интерес к Америке — он уже совершил путешествие по этой стране и написал о ней несколько книг (не вполне лестных, следует заметить), а позже яростно добивался компенсации за незаконное издание своих сочинений в бывших колониях, где творился полный беспорядок в части авторских прав, — Диккенс совершенно не интересовался войной между каким-то далеким Севером и еще более далеким Югом. Но в 1865 году — том самом, когда произошла Стейплхерстская катастрофа, — Чарльз Диккенс имел все основания быть очень довольным своей собственной жизнью.

Он был самым популярным романистом в Англии, если не в мире. Многие англичане и американцы провозглашали моего друга величайшим писателем всех времен и народов после Шекспира, ну и, возможно, Чосера и Китса.

Разумеется, я понимал всю нелепость подобных заявлений, но, как говорится (во всяком случае, как я сказал однажды), популярность порождает популярность. Я видел Чарльза Диккенса со спущенными штанами в деревенском нужнике без двери, когда он хнычущим голосом требовал бумажку, чтобы подтереть задницу, а потому вам придется простить меня, если такой образ останется для меня более достоверным, чем образ «величайшего писателя всех времен и народов».

Но в роковой июньский день шестьдесят пятого Диккенс имел все основания для довольства собой.

Семью годами ранее писатель расстался со своей женой Кэтрин, которая, по всей видимости, за двадцать два года

супружества сильно провинилась перед ним, безропотно произведя на свет десятерых детей и претерпев несколько выкидышей, но с неизменным смирением снося бесконечные придирки и упреки вечно недовольного мужа и потакая каждой его прихоти. Достойным своим поведением она внушила Диккенсу столь глубокое чувство, что в 1857 году, во время загородной пешей прогулки, после распития нескольких бутылок деревенского вина Диккенс отозвался о своей любимой супруге следующим образом: «Кэтрин очень дорога мне, Уилки, очень дорога. Но умом и статью она чистая корова: никакого обаяния, никакого изящества... пресная алхимическая смесь из рассеянности, непроходимого невежества, неуклюжей тяжеловесной медлительности и самоуспокоенной лени... безвкусная каша-размазня, сдобренная разве только острой жалостью к себе».

Вряд ли мой друг запомнил эти свои слова, но я их не забыл.

Формальным поводом для разрыва стала претензия, предъявленная Диккенсу женой. Похоже (хотя предположительная интонация здесь неуместна, ибо он расплачивался за проклятую побрякушку при мне), после премьеры «Замерзшей пучины» Диккенс купил актрисе Эллен Тернан дорогое ожерелье и болван ювелир доставил украшение не на квартиру мисс Тернан, а в Тэвисток-хаус, лондонский особняк Диккенсов. В результате такой оплошности Кэтрин несколько недель кряду проревела как корова, отказываясь поверить, что это всего лишь невинный знак почтения к актрисе, столь блистательно (хотя, на мой вкус, весьма посредственно) сыгравшей возлюбленную главного героя, Клару Бернем, в нашей... нет, *моей* драме о безответной любви в Арктике.

Надо признать, Диккенс действительно имел обыкновение (как он неустанно объяснял своей глубоко уязвленной супруге в 1858 году) осыпать щедрыми подарками актеров, принимавших участие в любительских спектаклях, которые он ставил в своем домашнем театре. После премьеры

«Замерзшей пучины» он уже успел распределить между остальными участниками постановки несколько браслетов и кулонов, карманные часы и набор из трех голубых эмалевых запонок.

Но с другой стороны, во всех остальных он не был влюблен, а в юную Эллен Тернан — был. Я точно знаю. И Кэтрин Диккенс знала. А вот знал ли о своих чувствах сам Чарльз Диккенс, трудно сказать. Великий мастер достоверного вымысла и один из самых отъявленных ханжей на свете, он едва ли осознавал и оценивал подспудные мотивы собственного поведения, если только они не были чисты, как родниковая вода.

В данном случае в ярость впал сам Диккенс — он в два счета обломал жене рога (прошу прощения за невольную отсылку к корове), закатив страшный скандал, в ходе которого вопил дурным голосом, что подобные обвинения бросают тень на чистый, светлый образ Эллен Тернан. Эмоциональные, романтические и, осмелюсь сказать, *эротические* фантазии Диккенса всегда вращались вокруг священной рыцарской любви к некой воображаемой юной богине, чья непорочность не подвергалась ни малейшему сомнению. Но Диккенс, вероятно, запамятовал, что злополучная и уже обреченная в семейном плане Кэтрин видела спектакль «Дядюшка Джон», водевиль, поставленный нами сразу после «Замерзшей пучины» (в нашем веке традиция предписывала представлять серьезные пьесы в паре с комедийными). В «Дядюшке Джоне» Диккенс (сорок шесть лет) играл пожилого господина, а Эллен Тернан (восемнадцать лет) выступала в роли его подопечной. Само собой, дядюшка Джон безумно влюбляется в девушку моложе себя в два с лишним раза. Кэтрин наверняка знала, что основную часть драмы «Замерзшая пучина», о поисках пропавшей экспедиции Франклина, написал я, а вот романтический водевиль сочинил и поставил ее муж уже после знакомства с Эллен Тернан.

Дядюшка Джон не только влюбляется в свою юную подопечную, но и преподносит ей — я цитирую авторскую ре-

марку из пьесы — «восхитительные подарки: жемчужное ожерелье и бриллиантовые серьги».

Оно и неудивительно, что при появлении в Тэвисток-хаусе дорогого украшения, предназначенного для Эллен, Кэтрин вышла из обычной своей дремотной апатии и взревела, как дойная корова под стрекалом уэльского фермера.

Диккенс отреагировал так, как отреагировал бы любой виноватый муж — только муж, которому посчастливилось быть самым популярным писателем в Англии и англоязычном мире, а возможно, и величайшим писателем всех времен и народов.

Первым делом он велел Кэтрин нанести визит Эллен Тернан и ее матери, таким образом показав всем, что она не питает никаких подозрений и ревности. В сущности, Диккенс приказал своей жене публично извиниться перед своей любовницей — или, во всяком случае, перед женщиной, с которой намеревался вступить в любовную связь сразу, как только наберется смелости уладить все необходимые формальности. Несчастливая Кэтрин, заливаясь слезами, выполнила требование мужа. Унизив свое достоинство, она нанесла визит Эллен и миссис Тернан.

Но этого оказалось недостаточно, чтобы утолить ярость Диккенса. Он выгнал мать десятерых своих детей из дома.

Чарли, старшего сына, он отправил жить с Кэтрин. Остальные дети остались жить с ним — сначала в Тэвисток-хаусе, а впоследствии в имении Гэдсхилл. (Я всегда замечал, что Диккенс находит удовольствие в общении со своими отпрысками лишь до тех пор, покуда они не начинают проявлять самостоятельность в суждениях и поступках, то есть не перестают вести себя как маленькая Нелл, Пол Домби и прочие его вымышленные персонажи, — а потом быстро теряет к ним всякий интерес.)

Разумеется, скандал получил продолжение — последовали протесты со стороны родителей Кэтрин, публичные отказы от протестов, сделанные под давлением Диккенса и его поверенных, угрозы и лживые публичные заявления писателя, юридические интриги, страшная шумиха в прес-

се и окончательное и бесповоротное судебное решение о раздельном проживании, силой навязанное жене. В конечном счете Диккенс вообще отказался общаться с ней даже по поводу детей.

И это человек, олицетворявший образ «отца счастливого семейства» не только для Англии, но и для всего мира!

Конечно, Диккенсу требовалась женщина в доме. У него многочисленный штат слуг. У него девять детей, с которыми он совершенно не желает возиться, готовый разве только поиграть с ними под настроение или покачать на колене, позируя фотографам. У него уйма общественных обязанностей. Кто-то же должен составлять ежедневные меню, списки необходимых покупок и цветочные заказы. Кто-то же должен надзирать за уборкой особняка и управлять хозяйственными делами. Чарльза Диккенса надлежит освободить от всех домашних забот. Ведь он, не забывайте, величайший писатель в мире.

Диккенс поступил самым естественным образом, пусть мне или вам подобный шаг может показаться сомнительным. (Возможно, в далеком двадцатом или двадцать первом веке, когда вы читаете мои мемуары, подобные поступки считаются само собой разумеющимися. Или, возможно, у вас хватило ума вообще упразднить странный и дурацкий институт брака. Как вы впоследствии увидите, я сам в свое время уклонился от супружеских уз и предпочел сожительствовать с одной женщиной, имея ребенка от другой, и многие современники, к великому моему удовольствию, называли меня мерзавцем и скотиной. Но я отвлекся от темы.)

Итак, Диккенс поступил самым естественным образом. Он поставил на роль хозяйки дома, надзирающей за детьми, принимающей гостей на званых вечерах и обедах, ведающей хозяйственными делами и отдающей распоряжения повару и слугам, незамужнюю сестру Кэтрин, Джорджину.

Когда поползли неизбежные слухи — касающиеся больше Джорджины, нежели Эллен Тернан, которая, образно выражаясь, отступила с освещенной авансены в тень, —

Диккенс вызвал в Тэвисток-хаус доктора и велел обследовать свою свояченицу, а затем обнародовать отчет о результатах осмотра, сообщаящий всем и каждому, что мисс Джорджина Хогарт является *virgo intacta*.

На том, полагал Чарльз Диккенс, дело и кончится.

Позже его самая младшая дочь сказала мне (или, во всяком случае, при мне): «Отец тогда словно повредился рассудком. История с Эллен выявила в нем все худшие черты, все постыднейшие слабости. Ему было наплевать на всех нас. Горе и страдания нашей семьи были безмерны».

Если Диккенс и знал о душевных страданиях жены и детей или придавал им значение, коли знал, то он этого никак не показывал. Ни мне, ни своим новым и более близким друзьям.

Он оказался прав в своем предположении, что неприятный момент минует, не повредив ему в глазах читателей. Они и вправду простили Диккенса, если вообще знали о его семейных неурядицах. В конце концов, он был английским певцом домашнего очага и величайшим писателем в мире. Он заслуживал снисхождения.

Все наши литературные собратья и друзья мужского пола тоже простили и забыли (за исключением одного только Теккерея, но это отдельная история), и надо признать, иные из нас в глубине души или втихомолку восхищались Чарльзом Диккенсом, избавившимся от семейных обязательств перед столь непривлекательным и тяжеловесным камнем на шее. Этот разрыв отношений давал проблеск надежды самым разнесчастным женатым мужчинам и вселял в нас, холостяков, приятную мысль, что при желании все-таки можно вернуться из неизведанной страны супружества — безвестного края, откуда якобы нет возврата.

Но прошу помнить, дорогой читатель, что речь идет о человеке, который незадолго до своего знакомства с Эллен Тернан в одном из театров, посещенных нами в поисках «нежных фиалочек» (так мы называли хорошеньких юных актрис, доставлявших нам обоим глубокое эстетическое удовлетворение), сказал мне: «Уилки, если вы знаете, как

провести вечер особенно бурно, предлагайте немедленно. Я готов на любые бесчинства. На одну ночь я отброшу всякое благоразумие! Если придумаете что-нибудь эдакое, в стиле сибаритствующего Рима эпохи предельного сластолюбия и изнеженности, можете рассчитывать на меня».

И в делах подобного рода он, в свою очередь, мог рассчитывать на меня.

Я хорошо помню день 9 июня 1865 года, когда, собственно, и началась цепь невероятных событий.

Диккенс объяснил друзьям, что он уже с середины зимы страдает переутомлением и мучается болями в «обмороженной ноге», и на неделю прервал работу над завершением романа «Наш общий друг», чтобы отдохнуть в Париже. Я не знаю, поехали ли с ним Эллен Тернан и ее мать. Но знаю, что в Лондон они возвращались вместе.

Некая дама по имени миссис Уильям Клара Питт-Бирн, с которой я никогда не встречался и не жаждал познакомиться (добрая приятельница Чарльза Уотертонна — натуралиста и путешественника, писавшего о своих рискованных приключениях в разных странах мира и погибшего в результате нелепого падения с лестницы в своем поместье Уолтон-Холл всего за одиннадцать дней до Стейплхерстской катастрофы; впоследствии говорили, будто призрак Уотертонна ночами бродит по поместью в облике огромной серой цапли), — так вот, эта дама имела обыкновение публиковать в «Таймс» разные злостные сплетни. Нижеприведенная язвительная заметка с сообщением, что девятого июня нашего друга видели на пароме, идущем из Булони в Фолкстон, появилась в печати через несколько месяцев после упомянутой железнодорожной катастрофы.

Сей господин путешествовал в обществе молодой особы, не приходившейся ему ни женой, ни свояченицей, но тем не менее расхаживал по палубе с видом человека, преисполненного сознанием собственной значимости. В надменном выражении его лица, в каждом его величавом жесте и движе-